
Мое обращеніе въ Христіанство.

(Изъ записокъ Миссіонера—Священника, обращеннаго изъ Евреевъ).

Еще когда я воспитывался въ Казанской Семинаріи, а потомъ и въ Академіи, многіе, какъ изъ духовныхъ, такъ и изъ свѣтскихъ лицъ, узнавъ о моемъ происхожденіи, съ любопытствомъ спрашивали меня объ обстоятельствахъ моего обращенія въ Христіанство. Можетъ быть нѣкоторые изъ слышавшихъ разсказъ мой о дивномъ моемъ обращеніи ко Христу и теперь помнятъ его. Съ теченіемъ времени, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, сдѣлавшись Священникомъ Христіанскимъ и миссіонеромъ для обращенія моихъ единоплеменниковъ — евреевъ, я успѣлъ обратить на себя вниманіе многихъ Христіанъ и особенно евреевъ, изъ коихъ первые и лично и письменно неоднократно просили предать печати, для общей извѣстности, раз-

сказъ о моемъ обращеніи; а послѣдніе — евреи — клеветами своими, съ цѣлью унижить меня въ глазахъ ищущихъ спасенія евреевъ *, невольно вызываютъ меня рассказать печатно о своемъ обращеніи. Поэтому я и рѣшился описать не только ходъ обращенія моего въ Христіанство, но и предшествующую мою жизнь, дабы каждый могъ судить, что предшествующія обстоятельства моей жизни немогли расположить меня къ перемѣнѣ вѣры отцевъ моихъ; а если я и рѣшился на то, такъ это совершилось противъ всякаго желанія и чаянія моего, по одной только благодати Божіей, такъ, что въ этомъ случаѣ о себѣ я могу сказать словами Апостола Павла: *Благодатию Божіею. есмь, еже есмь.*

До 14-ти лѣтняго возраста своего я жилъ на родинѣ моей (Волынской губерніи, Старо-Константиновскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Т.), гдѣ съ трехъ лѣтъ началъ воспитываться въ Иудейскомъ законѣ, подъ тщательнымъ надзоромъ своихъ родителей и добросовѣстнаго учителя еврейскаго, всѣми тогда уважаемаго въ нашемъ мѣстечкѣ. Помнится мнѣ, что на 6-мъ году возраста своего, я уже могъ съ понятіемъ читать пято-книжіе Мойсеево ** а на 8-мъ году, по переводѣ моемъ въ высшее талмудическое училище, я уже поставленъ былъ старшимъ надъ своими сверстниками, которыхъ

* Часто евреи и въ глазахъ и за очно говорятъ обо мнѣ иначе, какъ съ такимъ упрекомъ «онъ vykрестился потому, что его сдѣлали Священникомъ.»

** Знающіе способъ воспитанія еврейскихъ дѣтей, неусомнятся въ возможности такой дѣйствительности.

обязанъ былъ готовить къ субботнему выслушиванію уроковъ; пройденныхъ въ продолженіи недѣли. Учитель мой вѣселился моими успѣхами; но еще больше радовались родители мои и въ тоже время поощряли меня, чѣмъ только могли, къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ я и теперь припоминаю слова отца моего, который бывало въ ненастную погоду носилъ меня на рукахъ въ школу и бывало уговариваетъ меня такъ: «учись, учись прилѣжно, мой сынъ, и ты будешь когда нибудь раввиномъ». Но увы! дѣтское мое счастье продолжалось не долго; ибо на 8-мъ году своей жизни я лишился своего заботливаго отца. Мать моя оставшись вдовою, безъ всякихъ средствъ къ пропитанію пяти малолѣтнихъ дѣтей своихъ, не оставляла заботы о моемъ образованіи. Она упростила добрыхъ людей изъ еврейскаго общества, которые отпускали ей пособіе единственно для воспитанія меня въ талмудической школѣ; по этому она и питала надежду современемъ имѣть во мнѣ утѣшеніе и подпору своему бѣдному семейству. Вскорѣ, на 12 году, я лишился и доброй матери своей; и вотъ, какъ круглый сирота, я по совѣту близкихъ своихъ родственниковъ хотѣлъ было уже поступить въ какое нибудь ремесленное заведеніе. Но учитель мой, узнавши о моемъ намѣреніи, уговорилъ меня перейти на житье въ его домъ и помогать ему въ образованіи дѣтей еврейскихъ, за что онъ обѣщалъ поддерживать меня во всѣхъ нуждахъ, — словомъ заступить мнѣ мѣсто отца, что съ его стороны было исполнено въ точности. Два года я находился подъ непосредственнымъ руковод-

ствомъ своего учителя, который, какъ строгій исполнитель талмудическихъ предписаній, успѣлъ и меня усовершенствовать во всѣхъ необходимыхъ познаніяхъ ново-Иудейскаго закона и вселить во мнѣ духъ ревности къ точному исполненію самыхъ мелочныхъ предписаній его.

Видя во мнѣ точное послѣдованіе его примѣру и быстрое усвоеніе себѣ, какъ его личныхъ внушеній, такъ въ особенности правилъ талмуда, учитель мой питалъ полную надежду оставить меня по себѣ намѣстникомъ. Радовало это меня, радовало это въ особенности моихъ братьевъ и сестеръ, которые, конечно, мечтали современемъ получать отъ меня помощь въ своей бѣдственной жизни. *Но не суть совѣты Божіи, якоже совѣты наши.* (Исаія 55, 4.).

Надежда учителя моего и родныхъ моихъ не сбылась, или, лучше сказать, сбылась вопреки ихъ ожиданію.

Въ 1840 году, когда мнѣ уже кончилось 14 лѣтъ отъ роду, по приговору общества еврейскаго, или иначе, по всеблагому устроенію Провидѣнія, наше семейство должно было представить рекрута: старшій братъ мой оказался неспособнымъ, а младшій тоже немогъ выполнить очереди по малолѣтству своему. Итакъ очередь должна была выполниться по необходимости только мною. О Боже! и теперь содрогается сердце мое, когда вспомню плачъ и рыданія родныхъ моихъ и въ особенности учителя моего, при разлукѣ ихъ со мною! Но что осталось больше дѣлать, какъ не съ скрѣпленнымъ сердцемъ идти туда, куда, противъ моей воли, неисповѣ-

димая рука Божія вела меня, для моего же собственнаго счастья и спасенія? Но какъ ни была плачевна разлука моя съ родными, за то утѣшительно было для меня то обѣщаніе учителя моего, при прощаніи съ нимъ, что меня ожидаютъ великія радости въ царствѣ Мессіи, если я въ странѣ чуждой, иноплеменной исполню то, что онъ посѣялъ въ умѣ и сердцѣ моемъ. Съ особенною живостию припоминаю себѣ часто то обѣщаніе, которое я съ полною увѣренностію далъ при прощаніи роднымъ и учителю моему, что я постараюсь по возможности исполнять законъ іудейскій и содержать вѣру отцевъ своихъ до конца жизни.

Въ Іюль 1841 года партія наша, состоящая изъ 80 человекъ еврейскихъ рекрутовъ, прибыла въ г. Вольскъ Саратовской губерніи, гдѣ, по назначенію начальства, мы вступили въ отдѣленіе военныхъ кантонистовъ. Въ этомъ отдѣленіи я долженъ былъ начать новую жизнь, совсѣмъ отличную отъ прежней.—Въ странѣ чуждой, между иноплеменниками, при разныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ военной дисциплины, я конечно немогъ не встрѣчать препятствій къ точному соблюденію закона еврейскаго; а потому я часто боролся съ самимъ собою и затруднялся сначала въ придумываніи удобства исполнять то, чему насъ обязывали начальники и учителя военного учебнаго заведенія, и въ тоже время неопускать исполненія того, что я съ малолѣтства привыкъ исполнять согласно предписанію вѣры отцовъ своихъ.—Случалось иногда и нарушать нѣкоторыя правила обычной моей жизни; но за то я придумывалъ новыя правила, исполненіе которыхъ, казалось мнѣ, могло

замѣнить нарушенныя и тѣмъ успокоивалъ свою совѣсть.—Такъ напримѣръ, въ субботные дни я долженъ былъ непремѣнно заниматься наравнѣ съ прочими кантонистами въ классѣ; но чтобы успокоить свою совѣсть, я въ воскресные дни, когда намъ давали наравнѣ съ прочими свободу отъ уроковъ, или въ другіе Христіанскіе праздники, старался всевозможно хулить въру Христіанскую въ присутствіи товарищей своихъ—евреевъ.

Впрочемъ, кромѣ неисполненія еврейскихъ субботъ по сказанной причинѣ, все остальное я старался всѣми мѣрами исполнять до малѣйшей іоты, такъ что всѣ мои товарищи, видя мое строгое исполненіе закона еврейскаго, смотрѣли на меня съ особеннымъ уваженіемъ и совершенно довѣрялись мнѣ, слушая и принимая всякій мой совѣтъ, замѣчаніе и наставленія.

Между тѣмъ я оказалъ значительные успѣхи и въ русской грамотѣ, за что класный мой учитель вскорѣ сдѣлалъ меня старшимъ надъ другими кантонистами. Ахъ! во всю жизнь мою не забуду одного достопримѣчательнаго для меня случая, ясно показывающаго, какъ предваряющая Благодать Божія всюду ищетъ средства къ нашему вразумленію и обращенію на путь спасенія! Такой именно былъ слѣдующій случай. Однажды класный нашъ учитель поручилъ мнѣ переслуживать кантонистовъ. На стѣнѣ обыкновенно висѣла таблица, на коей напечатаны были на русскомъ языкѣ разныя изреченія изъ Евангелія.— Не имѣя никакого понятія о Евангеліи, я конечно сначала безсознательно занимался чтеніемъ этихъ таблицъ, видя въ нихъ не

болѣе, какъ лучший способъ упражняться въ чтеніи. Но какъ поразительно, какъ сладко показалось мнѣ то чтеніе, гдѣ на таблицѣ въ первый разъ пришлось мнѣ, при выслушиваніи кантонистовъ, читать девять блаженствъ евангельскихъ! Это понравилось мнѣ, до того, что я послѣ перваго случая, самъ посебѣ нѣсколько разъ прочитывалъ ихъ.—Случалось иногда, что, читая эти блаженства, я задумывался и плакалъ, представляя себѣ, что какъ блажены, въ самомъ дѣлѣ, тѣ люди которые исполняютъ всё то, что сказано въ этомъ чтеніи; и въ тоже время сообразилъ и то, что мнѣ никогда не случалось читать такого отраднаго ученія въ книгахъ еврейскихъ, которыхъ за 15-ть лѣтъ своего возраста кажется много перечиталъ.—Между тѣмъ любопытство побудило меня узнать, кто именно сочинялъ такое ученіе; и вотъ, обративши вниманіе на надпись той таблицы, я прочиталъ слова: «нагорная проповѣдь Господа нашего Іисуса Христа.» И что же послѣдовало за тѣмъ? Увы! къ стыду моему, я долженъ признаться, что эта надпись напомнила мнѣ то отвращеніе, какое обыкновенно имѣютъ евреи къ Распятому на крестѣ и какое успѣлъ во мнѣ вселить учитель мой съ малолѣтства. Съ того времени я рѣшился не только не читать классныхъ таблицъ, но и на будущее время избѣгать чтенія книгъ, въ которыхъ говорится о вѣрѣ Христіанской, опасаясь, чтобы подобное чтеніе не привлекло сердца моего къ Христіанству.

Но Господь, храняи Израиля, не хочетъ смерти грѣшника, а всюду ищетъ случаевъ вразумить его и обратитъ на путь спасенія. Туже благодать и человеко-

любіе Господь явилъ и мнѣ ослѣпленному, блуждавшему въ тѣніи.

Въ началѣ 1843 года прибылъ въ городъ Волскъ новый Бригадный Командиръ Андреевъ. Получивъ свѣдѣнія объ отличныхъ способностяхъ еврейскихъ кантонистовъ нашего отдѣленія, онъ съ отеческою заботливостію старался отличить и возвысить достойныхъ учениковъ подвѣдомаго ему заведенія, съ этою цѣлю онъ предложилъ законоучителямъ нашего отдѣленія по временамъ входить въ бесѣды съ кантонистами изъ Евреевъ,—не расположатъ ли они ихъ къ принятію Христіанства. Законоучители, ревновавшіе и безъ того о просвѣщеніи вѣрою Христовою заблудшихъ чадъ Израильскихъ, съ своей стороны просили Бригаднаго Командира—открыть особые классы для проповѣданія Еврейскимъ кантонистамъ Вѣры Христіанской. Такая просьба ихъ была исполнена: по Средамъ и Субботамъ Евреи собирались въ опредѣленный классъ, куда Священники—законоучители ходили по очереди и занимались ознакомленіемъ ихъ съ Христіанскою вѣрою. На такое распоряженіе Начальника нашего еврейскіе кантонисты, по моему внушенію, смотрѣли обыкновенно, какъ на наказаніе, допущенное Богомъ для испытанія насъ,—устоймъ ли мы въ вѣрѣ отцевъ своихъ. Между тѣмъ я, какъ пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ ихъ, старался съ своей стороны всѣми возможными мѣрами увѣрить ихъ въ ложности рассказавъ Священниковъ—законоучителей, которые поэтому проповѣдывали намъ Христіанство почти два года безуспѣшно. Были, впрочемъ, случаи,

что нѣкоторые изъ слабодушныхъ моихъ товарищей увлекались проповѣдію Священниковъ и принимали Христіанскую Вѣру; но они опять были развращаемы моими убѣжденіями и втайнѣ исполняли обряды прежней вѣры своей и поносили Христіанство, чѣмъ только могли, по моему наставленію.

Видя мало успѣха отъ своей проповѣди, законоучители наконецъ изобрѣли новый способъ къ вразумленію насъ: они начали приглашать въ классъ, чтобы кто нибудь изъ насъ возражалъ противъ высказываемой ими истины, дабы тѣмъ завязать и продолжать разговоръ о вѣрѣ Христіанской; но такъ какъ охотниковъ спорить не находилось, то Священники бывало по одиночкѣ перебираютъ насъ для разговора съ ними о Вѣрѣ.—И вотъ очередь дошла и до меня. Съ начала я притворился было незнающимъ русскаго языка, думая этимъ прекратить собесѣдованіе, которое казалось мнѣ чрезвычайно богопротивнымъ и оскорбительнымъ для моихъ вѣрованій. Не смотря однакожъ на постоянное мое молчаніе при собесѣдованіи Священниковъ, они все-таки временами не переставали задѣвать и спрашивать меня о моихъ убѣжденіяхъ касательно проповѣдуемыхъ намъ истинъ Христіанскихъ, какъ будто кто-то передалъ имъ, что я служу тайною пружиною закоснѣлости товарищей моихъ въ заблужденіи Іудейскомъ. Когда же между прочимъ, случилось мнѣ разъ слышать, какъ Священникъ, выставляя на видъ темную сторону вѣры еврейской, наносилъ, по моему взгляду, хулу на имя Бога Израилева; то я наконецъ рѣшился спорить съ нимъ, при чемъ я безпощадно чер-

нилъ Христіанскую Вѣру тѣми нелѣпыми сказаніями, какія я вычитывалъ изъ Талмуда. Въ подобныхъ спорахъ Священники замѣчали мою начитанность въ еврейской религіи, а потому они бывало уже каждый разъ во время проповѣди, вызывали меня, и почти исключительно занимались мною, или опровергая высказанныя мною нелѣпости на Христіанство, или вразумляя меня въ тѣхъ сказаніяхъ пророческихъ, которые я довольно понималъ по объясненію раввиновъ, или наконецъ объясняя мнѣ тѣ догматы Христіанства, которые для моего непросвѣщеннаго ума казались именно соблазномъ и безуміемъ.—Какъ вспомню теперь ту кротость и то великодушіе, растворенное сердоболіемъ, съ какими бывало тогда Священники преподають намъ истины Вѣры Христовой, то даже и теперь мое сердце исполняется глубокаго умиленія. Тогда я именно испыталъ, что слово Евангельское воистину есть *острый мечъ обоюду остраго, проходящее даже до раздѣленія.....членовъ же и мозговъ. (Евр. 4, 12).*

Словомъ сказать съ того времени, какъ я вступилъ въ разговоръ съ Священниками о вѣрѣ, я началъ было уже совершенно убѣждаться въ своемъ заблужденіи и сердце мое готово было раскрыться для принятія небеснаго ученія. Но вотъ является во мнѣ борьба. Во время разговора съ Священниками, сердце мое таяло, какъ воскъ предъ огнемъ и убѣждалось и вѣровало, хотя въ тоже время я старался скрыть это отъ убѣждавшихъ меня; но когда бывало выхожу изъ класса, то опять сомнѣніе, недоумѣнія и невѣріе вселились въ мой умъ и сердце, такъ что я началъ уже

упрашивать близких ко мнѣ товарищей, чтобы они старались укрѣплять меня въ вѣрѣ отцевъ своихъ, подобно тому, какъ я прежде ихъ уговаривалъ и поддерживалъ. Тяжко и невыносимо было для меня продолжать жизнь свою въ подобной борьбѣ.

Кажется и каждый на моемъ мѣстѣ долженъ бы былъ рѣшиться на одно изъ двухъ: или оставаться совершенно приверженнымъ вѣрѣ отцовъ своихъ, или съ любовію прижать къ сердцу своему вновь вселявшееся въ оное убѣжденіе относительно истинности вѣры Христіанской. Но какъ мнѣ растаться, думалъ я, съ тѣми заветными вѣрованіями, которыя я всосалъ съ матернимъ молокомъ и въ исполненіи которыхъ, въ продолженіи 18-ти лѣтъ, я ощущалъ невыразимое услажденіе сердца своего? Какъ я могъ рѣшиться измѣнить той вѣрѣ, въ которой я далъ клятву доброму своему учителю пребывать до конца своей жизни? И какъ мнѣ принять ту вѣру, которая до сего времени служила для меня предметомъ поруганія и отвращенія? Нѣтъ; я при подобной мысли рѣшился лучше разувѣрить себя, что одна только вѣра іудейская есть вѣра богоугодная и спасающая и, что если вѣра Христіанская увлекаетъ мое сердце, то это ничто иное какъ искушеніе вражеское. А чтобы укрѣпить свою рѣшимость, то я началъ было задумывать планъ, какимъ бы образомъ мнѣ больше уже неговорить съ Священниками, которые такъ сильно дѣйствуютъ на убѣжденіе сердца моего. Подобною мыслію я былъ занятъ на постелѣ, прочитавши уже молитвы еврейскія на сонъ грядущій, на канунъ того самаго дня, когда еврейскимъ кантони-

стамъ опять нужно было собираться въ классъ для слушанія христіанской проповѣди.—Увы! какъ сильно отпечатлѣлась тогда на мнѣ глубина паденія человѣческой природы, постоянно воюющей противъ явной истины и несознающей, что трудно идти противъ рождна!-Какой же планъ былъ мною задуманъ? ровно никакого; ибо я незамѣтно заснулъ сномъ самымъ глубокимъ, сномъ спасительнымъ для меня на всю послѣдующую мою жизнь. Видѣнный мною сонъ при описанномъ положеніи моемъ легко удостовѣрить cadaго въ высказанной истинѣ.

Свящ. Н. Кузнецкій.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Мое обращеніе въ Христіанство.

(Окончаніе *).

Когда я заснулъ, снилось мнѣ, уже предъ разсвѣтомъ, будто я вмѣстѣ съ своими товарищами собрались въ классъ и ждали Священника на проповѣдь, и будто я занялъ первое мѣсто. И вотъ къ намъ въ классъ входитъ старецъ, украшенный удивительною сѣдиною, во всемъ еврейскомъ священномъ облаченіи, а вслѣдъ за нимъ вошли нашъ Бригадный Командиръ со всѣми начальствующими лицами и все духовенство находившееся тогда въ городѣ Волскѣ. Видъ лица этого старца былъ самый печальный; въ правой рукѣ онъ держалъ священническую трость, а подъ мышкой лѣвой руки толстую книгу, самага огромнаго формата.— Вошедшій старецъ прямо подошелъ ко мнѣ, бросилъ на меня грозный взглядъ и, обратившись къ слѣдовавшимъ за нимъ, произнесъ на еврейскомъ разговорномъ языкѣ слѣдующія слова: «вотъ это тотъ, который самъ погибаетъ и всѣхъ своихъ товарищей удерживаетъ въ гибели.» Вслѣдъ затѣмъ онъ поспѣшно вошелъ въ боковую комнату, а за нимъ послѣдовали всѣ начальники и духовные особы.— Когда же они заперли за собою двери комнаты, то я дрожащимъ голосомъ какъ будто началъ спрашивать своихъ товарищей, не знаетъ ли кто нибудь изъ нихъ этого старца? и какъ онъ узналъ о томъ, что я именно служу причиною гибели всѣхъ ихъ, разумѣя подъ этимъ,

* См. 6-й № Неоф. Части Полт. Епарх. Вѣдом. 1863 года.

конечно, то, что я недопускаю ихъ принять Христіанскую вѣру? Затѣмъ я рѣшился тихонько подойти къ запертымъ дверямъ, чтобы прислушаться къ разговору старца съ начальниками. Но едва только я приблизился къ дверямъ, какъ молитвенный плачь старца и громкое рыданіе всѣхъ бывшихъ съ нимъ потрясло и душу весь составъ мой тѣлесный, такъ что я въ изнеможеніи будто упалъ ницъ у порога дверей и началъ плакать и читать ту же молитву, которая произнесена была старцемъ и всѣми бывшими съ нимъ въ той комнатѣ на священно-еврейскомъ языкѣ. Молитва эта была слѣдующая: *Яви намъ Господи милость Твою и спасеніе Твое даждь намъ!* Эти молитвенныя слова были произносимы старцемъ многократно и каждый разъ при повтореніи ихъ, плачь начальниковъ и духовныхъ особъ увеличивался, а я продолжалъ лежать ницъ лицомъ и молиться тѣми же словами.

Одинъ изъ приближенныхъ ко мнѣ товарищей, не зная конечно причины паденія моего на землю, подбѣжалъ чтобы поднять меня, но и самъ впалъ въ такое же умиленное состояніе души, какъ и я, и тоже плакалъ и молился со мною ницъ лицомъ у запертыхъ дверей. Когда же старецъ пересталъ молиться и всѣ рыдавшіе съ нимъ утихли, то мы съ товарищемъ своимъ будтобы тотъ-часъ опомнились, встали съ земли и, оправившись, сѣли опять на своихъ мѣстахъ въ классѣ, стараясь скрыть свой плачевный видъ. И вотъ опять ужасъ и трепетъ находитъ на насъ, когда увидѣли мы выходящаго изъ той комнаты старца и бывшихъ съ нимъ, на лицахъ коихъ явны были слѣды

слезъ и печали и душевная скорбь о насъ заблудшихъ. Казалось старецъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и на еврейскомъ разговорномъ языкѣ говорилъ мнѣ: «любезный мой сынъ! я слышалъ, что ты не вѣришь тому, что Мессія уже пришелъ, и что сказаніе «Священниковъ объ этомъ предметѣ, ты считаешь за «собственные ихъ вымыслы и говоришь, что обо всемъ «сказанномъ ими нѣтъ никакого намека въ книгахъ еврейскихъ; по этому иди, и я тебѣ покажу изъ священныхъ книгъ еврейскихъ, что ты заблуждаешься, «а черезъ тебя—всѣ товарищи твои остаются въ томъ «же заблужденіи.» Съ величайшимъ страхомъ я слѣдовалъ за старцемъ, который посадилъ меня около себя за столомъ, гдѣ бывало постоянно Священникъ садится во время проповѣди и разговариваетъ со мною о религіи; за тѣмъ старецъ раскрылъ принесенную имъ книгу, на разныхъ страницахъ которой я увидѣлъ на священно-еврейскомъ языкѣ надписи именъ пророковъ, о существованіи книгъ которыхъ я только когда то слышалъ отъ своего учителя, но въ самомъ подлинникѣ мнѣ еще не удавалось ихъ видѣть.—Да и что особенно было причиною моего упорства въ принятіи истины, доказанной мнѣ неоднократно Священниками, какъ не то, что я вѣрить не хотѣлъ, чтобы приведенныя ими въ доказательство пророческія мѣста о временахъ Мессіи были писаны на еврейскомъ языкѣ. И это невѣріе мое опять зависѣло единственно отъ того, что я никогда до 18 лѣтняго возраста своего не читалъ книгъ пророческихъ.—И вотъ, чего я никогда не читалъ на яву, то для вразумленія моего открыто

было мнѣ во снѣ. Ибо старецъ, раскрывши книгу, приводилъ и вразумительно объяснилъ на еврейскомъ языкѣ всѣ тѣ сказанія пророческія о Мессіи, которыми Священники убѣждали меня признать Иисуса за Мессію. Но изъ всѣхъ мѣстъ писаній пророческихъ, которыя я читалъ съ дивнымъ старцемъ во снѣ, одно, прочитанное мнѣ уже въ заключеніе всего, глубоко впечатлѣлось въ памяти моей: это видѣніе пророка Ездры *о юношѣ, возманившемъ вѣнцы не окружившее его множество людей*, писанное въ 3-е книгѣ Ездры (глав. 2 ст. 42—48). По окончаніи этого послѣдняго чтенія, старецъ закрылъ книгу и говоритъ мнѣ такъ: вотъ тебѣ доказано все то, чему ты вѣрить нехотѣлъ и все думалъ, что этого нѣтъ въ книгахъ еврейскихъ. Теперь остается тебѣ рѣшиться на одно изъ двухъ: или спастись, или погибнуть. Произнесши это, онъ и всѣ пришедшіе съ нимъ послѣдно вышли изъ нашего класса. По удавленіи старца сдѣлалось со мною такое сильное волненіе душевное, что я и не зналъ, на что рѣшиться. Я казалось хотѣлъ было тотъ часъ пересказать о всемъ случившемся съ своими товарищами,—но вдругъ проснулся.

О ужасъ, о трепеть! Раскрылись только мои очі тѣлесныя, но очі душевныя были заняты созерцаніемъ тогоже видѣнія,—при чемъ скорбь и тѣснота обложили душу мою! Хозяева квартиры моей, вставшіе предъ разсвѣтомъ для своихъ домашнихъ занятій, слышали мои рыданія, вздохи и непонятные для нихъ молитвенныя слова, произнесенныя мною во снѣ и были такъ тронуты, какъ рассказывали мнѣ, что плакали отъ жа-

лости ко мнѣ, и даже когда я всталъ, то увидѣлъ хозяйку свою еще въ слезахъ. Какъ только всталъ я съ постели, хозяева начали допытываться у меня о видѣнномъ мною снѣ, дабы узнать причину моего чрезвычайнаго плача,—но я отвѣта имъ ни какого не далъ, а поспѣшно одѣлся и побѣжалъ въ классъ. Пришедши туда, я въ кругу товарищей своихъ евреевъ разсказалъ о видѣнномъ мною снѣ; въ слѣдствіе чего нѣкоторые изъ нихъ, замѣтивши изъ разсказа моего колебанія мое въ вѣрѣ отцевъ своихъ, начали меня увѣрять, что этотъ сонъ вѣроятно допущенъ Богомъ для испытанія моей твердости въ вѣрѣ, что я, должно быть, думалъ предъ этимъ сномъ что нибудь противное своей вѣрѣ. Но я съ клятвою увѣрилъ ихъ, что съ вечера напротивъ я замышлялъ, какимъ бы образомъ прекратить всякое собесѣдованіе съ Священниками о вѣрѣ. Какъ ни утѣшали меня товарищи мои, я остался притомъ въ твердомъ убѣжденіи, что видѣнный мною сонъ не есть простая мечта воображенія, а что онъ знаменуетъ что нибудь необыкновенно важное для меня. При этомъ я припоминалъ себѣ съ точною ясностію всѣ сказанія пророческія, прочитанные мнѣ старцемъ во снѣ. Нѣтъ, ни что не могло меня увѣрить въ томъ, чтобы сонъ этотъ былъ искушеніемъ для меня въ вѣрѣ, тогда какъ молитвенный плачь и священное собесѣдованіе съ дивнымъ старцемъ явно обнаруживали промышленіе Божіе о спасеніи моемъ. Между тѣмъ, какъ мы были собраны въ томъ классѣ, гдѣ обыкновенно ожидали Священника на проповѣдь (ибо тогда былъ урочный день для этого занятія), ме-

ня все пугало то, что какъ бы не случилось видѣть подобное сновѣдѣнію моему на яву; но къ успокоенію моему случилось со всѣмъ противное, ибо Священникъ въ тотъ разъ далъ намъ знать, что онъ не можетъ быть въ классѣ по причинѣ болѣзни и мы такимъ образомъ разошлись по классамъ, кто гдѣ учился. Но на урокахъ я сидѣлъ задумчиво и ничѣмъ не могъ заниматься,—чего не могли не замѣтить, какъ учитель класса, который то и дѣло побуждалъ меня къ занятіямъ, такъ и товарищи мои, которымъ конечно извѣстна была причина моей задумчивости. Но что же оставалось мнѣ дѣлать, и на что я долженъ былъ рѣшиться, когда при мысли о видѣнномъ мною снѣ совѣсть моя трепетала, такъ что, при всемъ стараніи моемъ скрыть внутреннее волненіе души моей, товарищи мои зорко читали оное на лицѣ моемъ и, опасаясь отступленія моего отъ вѣры отцевъ своихъ, старались меня развлечь въ моей задумчивости, подобно тому, какъ я самъ поступалъ съ ними до этого времени. Ахъ! мнѣ ежечасно представлялся этотъ страшный сонъ и при представленіи его рисовалась мнѣ слѣдующая мысль: что постигнетъ меня въ будущей жизни, если я въ самомъ дѣлѣ заблуждаюсь въ вѣрѣ по причинѣ невѣдѣнія и если при томъ пренебрегу этимъ сномъ, который, быть можетъ, преблагій Богъ употребилъ, какъ крайнее средство къ вразумленію и обращенію меня на путь истины?

Я рѣшился прежде всего удостовѣриться въ вѣрности пророческихъ сказаній, читанныхъ мнѣ старцемъ во снѣ. Пришедши домой изъ класса, я тотчасъ,

бросился къ моему ящику, наполненному разными еврейскими книгами, думая между ними найти какія либо изъ пророческихъ книгъ; но напрасенъ былъ трудъ мой: ибо кромѣ разныхъ талмудическихъ книжекъ, я нашелъ между ними только одно Пятокнижіе Моисеево, которое не совсѣмъ удовлетворяло потребностямъ души моей. За тѣмъ я не медленно рѣшился отправить письмо къ одному изъ Бердичевскихъ раввиновъ, съ требованіемъ выслать въ наше учебное заведеніе еврейскія пророческія книги. Но пока получу эти книги, думалъ я, то не мѣшало бы мнѣ прочитать Библію на русскомъ языкѣ, чтобъ узнать: дѣйствительно ли въ ней заключаются священныя книги еврейскія, какъ насъ неоднократно увѣрялъ Священникъ-законноучитель нашего заведенія,—чему я, по грубому своему невѣжеству, ни какъ не хотѣлъ вѣрить? Удивленъ былъ Священникъ В. К., когда я пришелъ къ нему на домъ съ просьбою—дать мнѣ русскую Библію,—при чемъ онъ непреминулъ высказать свое сердоболіе о моемъ заблужденіи. Взявши Библію, я поспѣшно вышелъ отъ Священника и тутже развернулъ ее, чтобы взглянуть на фигурную печать ея. Но какая жалость объяла меня, когда я увидѣлъ что книга эта была напечатана такими литерами, которыхъ я и разобрать не могъ. Я думалъ было возвратиться и отдать Священнику гіероглифическую книгу; но чувство вѣжливости удержало меня и заставило понести ее на свою квартиру. Я сдѣлалъ это ни сколько не думая извлечь изъ нея для себя какую либо пользу. Нашелся, однако же одинъ изъ моихъ товарищей каш-

таиистовъ, который могъ свободно читать славянскую печать и даже передавать мнѣ на разговорно-еврейскомъ языкѣ то, что вычитывалъ изъ славянской Библии.

Не мало удивило меня чтеніе первыхъ строкъ Библии, изъ коихъ я рѣшительно убѣдился, что въ славянской Библии точно заключается Священное Писаніе, данное нѣкогда Богомъ народу Израильскому чрезъ Моисея и Пророковъ. Чтеніемъ этой Библии мы съ товарищемъ занимались по нѣскольку часовъ каждый день, пока наконецъ не нанли тѣго, что именно читанно было мнѣ во снѣ дивнымъ старцемъ.—Кромѣ того это чтеніе вселило во мнѣ любовь и охоту читать уже всякую христіанскую книгу, тогда какъ прежде это было отвратительно для меня. Слова Пророка Исаи: *ищите Бога и обращаете Ею, ибо онъ близъ есть*, * (Иса. 55, 6.) побуждали меня не оставить безъ вниманія ни одной изъ тѣхъ книгъ, которыя неоднократно предлагаемы были намъ для чтенія законноучителями. И вотъ, между прочими книгами я получилъ отъ одного законоучителя Златое Сочиненіе, или письмо раввина Самуила къ раввину Исааку Марокскому. Это сочиненіе окончательно раскрыло мнѣ глаза и я совершенно убѣдился въ истинности и необходимости обращенія ко Христу заблуждшаго Израиля. Но чѣмъ болѣе я убѣждался въ истинѣ Христіанской Вѣры, тѣмъ ужаснѣйшая борьба волновала душу мою. Ахъ, мнѣ все представлялось, что признаніемъ достоинства

* Такой смыслъ въ подлинникѣ.

Христіанства оскорбляю поселенныя во мнѣ съ дѣтства священные чувствованія. Кто же меня увѣритъ, думалъ я, что такая перемѣна въ моемъ убѣжденіи угодна Богу? Сознаніе мое ясно говорило мнѣ, что никто, какъ только одинъ Онъ—Сердцевѣдецъ, или чрезвычайный посланникъ отъ Него, можетъ открыть мнѣ сущую истину. Не терялъ я впрочемъ изъ виду и того, что по грѣховности своей я совершенно недостойнъ такого сверхъ-естественнаго откровенія. Что же оставалось мнѣ дѣлать въ такой сильной борьбѣ, которая окончательно терзала душу мою и не давала мнѣ покоя день и ночь? Увы, теперь только я сознаю, какъ всемогущая и спасительная Благодать Божія споспѣшествовала мнѣ во спасеніи моемъ! При сильномъ и сознательномъ ощущеніи описанной борьбы моей, вдругъ мелькнула въ моемъ умѣ такая мысль: получить отъ самаго Бога, или отъ какого либо его посланника увѣреніе въ истинности или ложности содержимой мною Вѣры я недостойнъ; но Господь Богъ всемогущъ открыть это увѣреніе въ моемъ сердцѣ, если я приготавливаю оное къ тому чрезъ постъ и молитву. Эта отрадная мысль тотъ часъ же побудила меня рѣшиться на сказанный подвигъ, который совершенъ мною буквально по обычаю еврейской вѣры. Понедѣльникъ, Четвертокъ и опять Понедѣльникъ опредѣлены были мною на совершенный постъ и цѣлодневныя чтенія Псалтыри. Я былъ вполне увѣренъ, что чрезъ такой подвигъ Господь Богъ воззритъ на меня недостойнаго и откроетъ очи сердца моего къ уразумѣнію желанной истины. Крайнимъ придѣломъ съ моей стороны

было назначено то, что въ концѣ третьяго дня предпринятаго подвига моего, рѣшимость моя на перемѣну вѣры отцевъ своихъ должна, по мановенію Божію, или болѣе утвердиться, или совершенно исчезнуть изъ сердца моего. Не умолчу и о томъ, что для совершенія этого подвига, я долженъ былъ употребить такую хитрость: на каждый наступавшій изъ назначенныхъ дней я дѣлался больнымъ, для того чтобы оставаться дома свободнымъ отъ классическихъ занятій. Самый же подвигъ совершенъ мною скрытно отъ товарищей моихъ. Между тѣмъ, совершая сказанный подвигъ, я исключительно занималъ умъ и сердце мое тѣмъ молитвеннымъ воплемъ, который я слышалъ во снѣ изъ устъ дивнаго старца. *Яви намъ Господи милость Твою, и спасеніе Твое даждь намъ!* И вотъ наконецъ, всемилостивый Господь вошелъ въ разтворенную дверь сердца моего и наполнилъ оное твердымъ, несокрушимымъ желаніемъ перемѣнить вѣру свою. Я ничего другаго ни могъ не мыслить, ни желать, какъ только одного обновленія жизни чрезъ вѣру во Христа—истиннаго Мессію, истиннаго Спасителя міра. Врагъ спасенія ничего не преминулъ даже и тутъ, при самомъ усладительномъ состояніи души моей, представлять мнѣ страшныя угрозы за мою рѣшимость отстать отъ прежнихъ вѣрованій; но при этомъ вдругъ явилась во мнѣ мысль оградить себя, въ первый разъ, (постыднымъ до того времени для меня) крестнымъ знаменіемъ, при чемъ уста мои какою то необыкновенною силою подвигнуты были къ изреченію слѣдующихъ словъ: »да будетъ же воля Твоя Господи Боже нашъ! Боже отецъ

»нашихъ! Ты меня вразумилъ искать истину, Ты мнѣ
»открылъ ее; Ты же укрѣпи и утверди сердце мое
»шествовать путемъ, ведущимъ къ познанію и усвое-
»нію правды, открытой всѣмъ людямъ чрезъ истиннаго
»Мессію—Избавителя всего міра!« Вслѣдъ за тѣмъ я
почувствовалъ какую то легкость въ душѣ моей, ко-
торая невольно исторгла изъ глазъ моихъ слезы бла-
годарности, — слезы, усладившіе сердце мое превыше
всякой радости. Восторженное состояніе души моей
недопустило даже дреманія глазамъ въ продолженіе
цѣлой наступившей ночи; съ нетерпѣніемъ ждалъ я
утра, въ которое казалось мнѣ, я долженъ какъ будь-
то въ первый разъ достойнымъ образомъ воззрѣть на
свѣтлое небо и ступить ногою на землю, искуплен-
ную кровію Спасителя.

Между тѣмъ, проводя ночь въ безсонницѣ, я заду-
мывалъ разные планы къ обнаруженію предъ товари-
щами моими дознанной истины; не менѣе занимало меня
и то, что, какъ виновникъ нѣкоторымъ образомъ упор-
ства товарищей моихъ къ принятію Христіанской Вѣры,
я долженъ теперь самъ сознаться предъ ними въ сво-
емъ заблужденіи и изъявить готовность принять Св.
Крещеніе. Думалъ было сдѣлать это въ присутствіи
Священника—Законоучителя нашего заведенія, но тутъ
представилось то препятствіе, что Священники уже нѣ-
сколько недѣль, съ самаго времени сновидѣнія моего,
непосѣщали нашего собранія, и какъ будто самимъ
Провидѣніемъ внушено было имъ представить вразум-
леніе насъ въ истинѣ самому Господу. По этой самой
причинѣ я задумалъ извлечь изъ славянской Библіи

болѣ рѣзкія сказанія пророческія о Мессіи, исполненіе которыхъ мы можемъ видѣть даже безъ чтенія Евангелія, какъ то: минувшее время пришествія Мессіи; познаніе истиннаго Бога всѣми народами и т. п. Собранныя мною подобныя сказанія я перевелъ на еврейскій священный языкъ, дабы товарищи мои могли удобнѣе понять, что дознанная мною истина почерпнута изъ того самаго Св. Писанія, которое даровано предкамъ нашимъ Самимъ Богомъ. Такое мое предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Избравъ изъ среды товарищей моихъ кантонистовъ болѣ знающихъ еврейскій языкъ и приверженныхъ къ религіи отцевъ своихъ, я предложилъ имъ для обсужденія собранныя и переведенныя мною мѣста изъ Библии славянской, причемъ объяснилъ имъ и поводъ, побудившій меня на такое предпріятіе. О намѣреніи же моемъ имъ нечего было и говорить; ибо прочитавъ предложенное и выслушавъ устный мой разсказъ о предшествующихъ обстоятельствахъ, нѣкоторые изъ нихъ прямо изъявили свое согласіе слѣдовать моему примѣру, а остальные выразили мнѣ свое недоумѣніе о такой быстрой перемѣнѣ въ моемъ убѣжденіи! Увидѣвъ неожиданную удачу, я съ сильнымъ восторгомъ обнималъ каждого изъ согласившихся со мною сотоварищей, привѣтствовалъ ихъ цѣлованіемъ духовнымъ, на что они взаимно выразили и свою радость о Господѣ, посѣтившемъ насъ милостію своею и удостоившемъ насъ быть участниками свѣта истины. О эта восхитительная минута неизгладится никогда изъ памяти моей и товарищей моихъ, которые тогда вмѣстѣ со мною изъявили желаніе про-

свѣтитъся Св. Крещеніемъ! Насъ было 8 душъ, изъ коихъ 2 окрещены 30 Ноября, а 6 со мною включительно окрещены 3 Декабря 1844 года. — Не остались впрочемъ коснѣть въ заблужденіи іудейскомъ и всѣ прочіе товарищи мои, находившіеся въ бытность мою въ городѣ Волскѣ; ибо такимъ же способомъ, по наставленію моего воспріемнаго отца Священника В. К. и другихъ законоучителей отдѣленія кантонистовъ, я дѣйствовалъ немощнымъ словомъ своимъ на ихъ убѣжденіе, и по благодати Божіей, мною обращено по Іюнь мѣсяць 1845 года болѣе 200 человекъ еврейскихъ кантонистовъ *. Этому радостному событію памятникомъ служить икона Святителя и Чудотворца Николая, сооруженная иждивеніемъ новокрещенныхъ кантонистовъ и поставленная, по желанію ихъ же, въ Николаевскомъ Соборѣ города Волска, Саратовской губерніи.

Итакъ, вспоминая столь дивное обращеніе мое и другихъ товарищей моихъ, уста моя свыклись уже повторять пророческую пѣснь Первосвященника Захаріи: *Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко послати и сотвори избавленіе людемъ своимъ и воздвиге роизъ спасенія намъ.* (Лук. 1. ст. 68 и 69).

Свящ. Николай Кузнецкій.

22 Февраля 1863 г.

ПОДТАВА.

* Что тогда всѣ обратились именно по одному чистому убѣжденію, видно изъ того, что многіе изъ нихъ теперь отличны по благочестію Христіане, а два изъ обращенныхъ даже сдѣлались Священниками: одинъ—Громовъ близъ Одессы, другой Кузнецкій 2-й—въ Херсонѣ.